

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 120 (4086)

Вторник, 29 сентября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

РАДИ БУДУЩЕГО!

Анатолий СОФРОНОВ

МНОГО проводов и встреч видел Внуковский аэродром. Встреча, которая произошла там вчера, останется в памяти на всю жизнь. Множество людей собралось в аэропорте. Самолет, которого все ждут, еще не прибыл, но где он — все знают. «Самолет пролетел над Ригой», — сообщают репродукторы. Через пять-семь минут новое сообщение. Немного времени — пять минут, а красавец-гигант «ТУ-114» совершает за это время гигантский скачок за сотню километров.

На горизонте появилась едва заметная точка, и вот самолет уже близко, он уже на земле. Впереди бежит крошечный по сравнению с воздушным гигантом автомобильчик, вывозя «ТУ-114» к месту высадки. Это произошло в 15 часов 28 минут...

Раскрывается дверь самолета, и на трапе появляется Никита Сергеевич Хрущев. Мы хорошо знали, что эта поездка была весьма утомительной. С радостью увидели мы, что Никита Сергеевич так же бодр и энергичен, как всегда. Улыбаясь, он приветствует встречающих. Дети преподносят цветы ему, его близким. Перифразировал слова известной песни, Никита Сергеевич говорит:

— Хороша страна Америка, а Россия лучше всех!

ча. Это народная воля, это мужество всех советских людей.

Никита Сергеевич говорит просто и образно, — и все мы видим: вот он идет по улицам Вашингтона, и встречающие его американцы все время косятся в ту сторону, куда только что уехала «не замеченная» полицейской машиной с недвусмысленным предупреждением всем, кто не пожелает скрывать своих истинных чувств; вот после «ночного разговора» Громкью с Лоджем с советских гостей были «сняты наручники», как образно выразился Никита Сергеевич, и они получили возможность встретиться с народом: вот восторженный прием в Сан-Франциско, беседы с портвыми рабочими; вот неожиданная встреча с американским украинцем Марченко... Мы повторяем шаг за шагом всю историческую поездку по Америке. Говоря о заключительных беседах в Кэмп-Дэвиде, Никита Сергеевич подводит общий итог своей поездки.

— Главный результат нашего обмена мнениями с президентом США выражен в совместном коммюнике, которое сегодня опубликовано в печати. Можно не сомневаться, что этот документ будет воспринят с удовлетворением всеми, кто заинтересован в упрочении мира.

Следует учесть, однако, что мы не могли, естественно, в один присест расчитать вдвоем с президентом все напряжения «холодной войны», накопившиеся за многие годы. Для того чтобы убрать этот мусор, и не только убрать, но и перемолот его, требуется время. Еще слишком свежи некоторые явления, разделяющие нас. Иной раз некоторым деятелям бывает трудно оторваться от старых позиций, от старых взглядов, от старых формулировок.

Но я со всей открытостью скажу вам, дорогие товарищи, что в результате бесед и обсуждения конкретных вопросов с президентом США у меня сложилось впечатление, — заявил Никита Сергеевич, — что он искренне хочет ликвидировать состояние «холодной войны», создать нормальные отношения между нашими странами, содействовать улучшению отношений между всеми странами.

Человечество хочет мира! И человечество все больше понимает, что настоящие друзья мира и кто враги мира!

Заканчивая свое слово, свой отчет перед москвичами о поездке в Соединенные Штаты, Никита Сергеевич выразил надежду, что барометр международных отношений будет показывать не «бурю» и даже не «переменило», а только «ясно». Это то, чего хотят люди на всей планете.

Это то, ради чего не жалея сил, борются Коммунистическая партия и советский народ.

Это то, ради чего как посланец советского народа посетил Соединенные Штаты наш Никита Сергеевич со словами великой правды, — и мы, все миллионы советских людей, были с ним каждый день, каждый час, каждую минуту.

Ради мира! Ради будущего!

С. МАРШАК

ПОРА

Столетний двадцать миновало
С тех пор, как шла впервые речь
О том, что надо на орало
Перековать разный меч.

Теперь мечей осталось мало.
С мечом не ходят на войну.
Да и новейшие орала
Уже не те, что в старину.

Но все вздохнули полной грудью,
Когда услышали: «Пора
Снаряды, танки и орудья
Перековать на трактора!»

Страна, посланная ракету
Прямой наводкой на Луну,
Зовет разумную планету
Перековать на мир войну.

Возвращение Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева из поездки в США. На снимке: Никита Сергеевич Хрущев приветствует москвичей, встречающих его на Внуковском аэродроме. Фото М. Трахмана

ЗНАКОМСТВО СОСТОЯЛОСЬ

Лев КАССИЛЬ

НЕ СРАЗУ пробилась правда о нашей стране через океан, на далекий американский берег. Уже много десятков лет назад был проложен первый телеграфный кабель по дну океана, и знаки, передающие на расстояние человеческую мысль, получили возможность мгновенно переноситься через просторы Атлантики с одного континента на другой. Уже десятки лет само слово «человеческое, освобожденное от проволоки» привнес, несомненно радиоволнами, стало одинаково хорошо слышимым сразу и на европейской, и на американском континентах. Иные десять часов потребны, чтобы перелететь из Москвы в Вашингтон. Но все же до недавнего времени представления американцев о Советском Союзе оставались от истины на многие и многие годы.

Какие громоздкие надолбы антисоветской пропаганды загораживали путь правде о нас в американца! Какие дремучие заблуждения еще недавно жили в сознании многих людей Америки! Какие небоскребы вымыслов вставали с газетных страниц, чтобы заслонить от глаз просто-таки американца ясные горизонты нашей Родины!

Искусственные спутники нашей планеты, запущенные впервые в человеческой истории с советской земли, пробрели в стене этой неправды огромную брешь. Поразились все мир планы нашей семилетки, где величественное дерзание сменилось триумфальными цифрами, заставили Америку со всей серьезностью отнестись к экономическому соревнованию, на которое ее вызывает победивший социализм. Театральные рампы, освещавшие триумфальные выступления наших артистов, музыкантов, танцевальных ансамблей, пролили свет и на правду об искусстве в Советском Союзе.

Великий праздник китайского народа

Большая и искренняя дружба задана породила советский и китайский народы. Национальный праздник народов Китая — десятилетие КНР — радостный день и для советских людей. От имени всей нашей страны товарищи Н. С. Хрущев и К. Е. Ворошилов в своем приветствии руководителям Китайской Народной Республики пишут, что советские люди гордятся постоянными замечательными успехами, достигнутыми за последние десять лет трудящимися Китая.

«После Великой Октябрьской социалистической революции, — сказано в приветствии товарищам Мао Цзэ-дуну, Лю Шао-ци, Чу Дэ-и и Чжоу Энь-лао, — победа китайской народной революции явилась самым выдающимся событием в истории человечества; она нанесла новый мощный удар по лагерю империализма и реакции, оказала громадное воздействие на весь ход мировой истории».

Большие дни переживает китайский народ. Вчера в Пекине в новом здании Всекитайского собрания народных представителей состоялось торжественное заседание. В прекрасном дворце, расположенном в центре Пекина, на древней площади Тяньаньмынь, собралось десять тысяч человек. Китайский народ послал в столицу на торжества лучших своих сыновей и дочерей. Они съехались со всех провинций и автономных областей — с севера и юга, с гор Тянь-Шаня и берегов Тихого океана.

С приветствиями к китайскому народу выступили на заседании член Президиума Центрального Комитета КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Сулов, главы партийно-правительственных делегаций и делегаций коммунистических и рабочих партий различных стран.

Пекин, вся китайская страна торжественно празднуют славный юбилей.

В Советском Союзе. Советская выставка на площади Колумба в Нью-Йорке, куда недавно 42 дня подряд паломничали сотни тысяч ньюйоркцев, заставила признать, что там, на площади, носившей имя первооткрывателя Америки, летом 1959 года сотни тысяч американцев «открыли для себя СССР»...

И, наконец, теперь правду о нашей стране, о ее неуловимо миролюбивых устремлениях услышали в Америке и во всем мире из уст посланца доброй воли и дружеского приветия советского народа — Никиты Сергеевича Хрущева.

Завершена заокеанская поездка главы Советского правительства. И все, что происходило в Вашингтоне и в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Демойне, Питтсбурге и Кэмп Дэвиде, — все это, несомненно, не только оставит глубокий след в истории народов, но и позволит наметить новые пути к достижению главной цели, стоящей сейчас перед человечеством, — мира на всей планете.

Как ни сократились в наше время расстояния между странами и континентами, как ни совершенны сегодняшние средства связи, все же личный контакт, непосредственная встреча, когда высокие собеседники ведут разговор лицом к лицу, ничем не может быть заменена.

Миллионы американцев, радужно приветствуя Н. С. Хрущева на своей земле, следя с понятным восторгом и пристальным интересом за каждым шагом его путешествия, присматриваясь к представителю доброй воли советского народа, понимали, что они смотрят в глаза большой, новой для них и обнадеживающей правде. Все, что говорил во время своей поездки за океан Н. С. Хрущев, помогало американцам глубже узнать правду о советской жизни и о тех целях, ради которых с таким героическим упорством трудятся наш народ.

Причем, если уж говорить о пресловутом «железном занавесе», то гвозди в него заколачивались не с нашей стороны. Как поражались, например, многие американцы, с которыми нам недавно доводилось встречаться во время путешествия по США, что у нас большими тиражами издаются не только классические произведения американской литературы, но и книги многих современных писателей США.

Один из видных американских писателей, человек, как видно, искренне желающий понять психологию советских людей, доверительно говорил мне: «Ну что нам, мне и вам, спорить о политике. Вы писатель, и я писатель. Мы, так сказать, находимся на одной общественно-социальной ступени, к чему же споры? Пусть этим занимаются государственные деятели. Это, собственно, их дело — решать международные споры. А мы с вами тут ни при чем».

Несколько раз в США нам приходилось слышать высказанное в самой дружеской, наивно-доброжелательной форме предложение установить именно такой моду дружбы... Не наше, мол, дело политика. И нелегко было объяснить законам знакомым, что мы — не только писатели, но вообще советские люди — считаем политикой, проводимую нашим правительством, своей собственной политикой и что это так и есть на самом деле. И сейчас Никита Сергеевич Хрущев сдвигал полпредом наших дум. То, что говорил он на приемах и прессе-конференциях, говорилось от имени всего нашего народа с полным на то основанием: именно так думают, так полагают, так считают, в этом убеждены миллионы советских людей. А народ у нас верит, что, несмотря на различия в системах, которые определяют жизнь в Америке и в Советском Союзе, можно установить такие отношения между нашими странами, что кошмар не вменяемой воображением терпящей войны навсегда уйдет из напряженной и тревожной слов человечества.

Давно уже облетела мир крылатая фраза покойного Жюль-Кюри о том, что правда путешествует без виз. Но сейчас правда путешествовала в вполне официальной визой. И хотя во время визита Н. С. Хрущева в Америку не велось, как это и было заранее условлено, переговоров между высшими руководителями США и СССР, на каждом слове, произнесенном Председателем Совета Министров СССР в США, стояла виза миллионов людей Советского Союза и людей доброй воли всех стран.

Во время пребывания в Штатах мы опирались, что представители самых различных слоев американского общества стремятся привлечь свое внимание уже не на то, что нас разобщает с Америкой и ложится еще полостью отчуждения между народами, а, наоборот, склонны найти то, что способно нас сблизить. Мир многомерен. И как бы ни отличались друг от друга разные точки зрения, сегодня все более нацпываются совпадающие грани, точки соприкосновения, а не плоскости взаимоталкивания. Нацпываются линии сопряжения всех добрых усилий, направленных к укреплению мира. Из совместного советско-американского коммюнике мы знаем, что президент США и Председатель Совета Министров СССР вели откровенные дружеские беседы и изложили позиции своих правительств по важнейшим международным проблемам, а также по вопросам улучшения советско-американских отношений. Оба высших собеседника согласились, «что все неурегулированные международные вопросы должны быть решены не путем применения силы, а мирными средствами путем переговоров». Народы уже сегодня осознают все глубокое значение этого итога бесед в Кэмп Дэвиде.

«Американцы, с которыми мы недавно встретились, говорили нам, что они с интересом относятся не только к экономическому соревнованию между нашими странами, но и хотели бы соревноваться с нами в области культурной. Ну что ж, такое соревнование может только сблизить наши народы».

Мы уже сделали сейчас вклад, который трудно переоценить. С трибуны Организации Объединенных Наций Никита Сергеевич Хрущев от имени Советского правительства внес предложение о всеобщем и полном разоружении.

Наш народ первым отправил высокую миссию своей доброй воли за океан. Мы верим в искренность тех чувств, которые были проявлены американским народом и многими его официальными представителями по отношению к главе Советского правительства.

Знакомство состоялось. От знакомства, вероятно, не так уж далеко путь до взаимопонимания. А от понимания — прямая дорога к сотрудничеству и дружбе.

Только что смолкли радужные аплодисменты, которые сопровождали Н. С. Хрущева в поездке по Америке. И вот уже на другом континенте, у нас дома, в Москве, с новым пылом разражаются овалы в честь посланца миролюбивой воли нашего народа. Москва встречает Н. С. Хрущева, и он поднимается на трибуну, чтобы рассказать о своей поездке за океан, о том, как донес слово нашей правды до Америки, о том, как Америка восприняла это слово.

И слушая выступление Никиты Сергеевича во Дворце спорта, я вдруг вспомнил показанную мне в этих днях одной знакомой московской учительницей школьную тетрадку. Это был классный диктант. В нем была фраза: «Древние утверждали, что все пути ведут в Рим...» Но московский школьник сделал ошибку, он написал: «Все пути ведут в Мир...»

Какая чудесная и знаменательная описка! Вот про что думают сегодня у нас и взрослые, и ребята. Учителяница не снизила балла. Да, конечно, не все еще дороги ведут к миру, однако все гуще сеть таких путей на международной карте. Человечество, минуя коварные развилки, старается выбраться на эту дорогу. И путь, который только что совершил Никита Сергеевич Хрущев, — это не легкий, но самый верный и благородный путь.

ми в области культурной. Ну что ж, такое соревнование может только сблизить наши народы.

Мы уже сделали сейчас вклад, который трудно переоценить. С трибуны Организации Объединенных Наций Никита Сергеевич Хрущев от имени Советского правительства внес предложение о всеобщем и полном разоружении.

Наш народ первым отправил высокую миссию своей доброй воли за океан. Мы верим в искренность тех чувств, которые были проявлены американским народом и многими его официальными представителями по отношению к главе Советского правительства.

Знакомство состоялось. От знакомства, вероятно, не так уж далеко путь до взаимопонимания. А от понимания — прямая дорога к сотрудничеству и дружбе.

Только что смолкли радужные аплодисменты, которые сопровождали Н. С. Хрущева в поездке по Америке. И вот уже на другом континенте, у нас дома, в Москве, с новым пылом разражаются овалы в честь посланца миролюбивой воли нашего народа. Москва встречает Н. С. Хрущева, и он поднимается на трибуну, чтобы рассказать о своей поездке за океан, о том, как донес слово нашей правды до Америки, о том, как Америка восприняла это слово.

И слушая выступление Никиты Сергеевича во Дворце спорта, я вдруг вспомнил показанную мне в этих днях одной знакомой московской учительницей школьную тетрадку. Это был классный диктант. В нем была фраза: «Древние утверждали, что все пути ведут в Рим...» Но московский школьник сделал ошибку, он написал: «Все пути ведут в Мир...»

Какая чудесная и знаменательная описка! Вот про что думают сегодня у нас и взрослые, и ребята. Учителяница не снизила балла. Да, конечно, не все еще дороги ведут к миру, однако все гуще сеть таких путей на международной карте. Человечество, минуя коварные развилки, старается выбраться на эту дорогу. И путь, который только что совершил Никита Сергеевич Хрущев, — это не легкий, но самый верный и благородный путь.

Дворец спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Многотысячный митинг трудящихся, посвященный возвращению тов. Н. С. Хрущева, из поездки в США.

ЛЕТОПИСЬ ДРУЖБЫ

ПЕРЕДО мной на столе две книги: «Крепкая завязь» Б. Галина — последняя по времени наша книга о Китае и «Поезда» Р. Белоусов, вышедшая в Пенне, автор ее писатель Цюо Цзоу-фэн. Все эти книги сегодня выдают ряд очерков советских и китайских писателей о наших странах. Но если подойти к книжной полке, мы найдем не одну и не две, а десятки писательских книг о Китае. Здесь собраны очерки за многие годы. Вчера, как и сегодня, они были одной из опор то духовного роста, который издавна соединял народы наших стран. Ведь еще Лу Синь говорил о непрерывных литературных связях Китая и Советского Союза. И какому бы из этих книг мы не раскрыли, перед нами предстанут картины живой истории, сейчас уже забытых подробностей, свежо передающих атмосферу мучительных дней борьбы и созидания.

...В один из январских вечеров 1921 года с первым поездом, прибывшим из Китая в Советскую Россию, в Москву приехал художник китайский юноша в очках, за которыми прятались умные, проницательные глаза. Сам он называл себя в шутку «Юнец с Востока». Настоящее его имя — Цюо Цзоу-бо — в то время еще мало кому было известно в Китае.

Цюо Цзоу-бо ехал, как он писал, к красному свету, в Советскую Россию — первую социалистическую республику XX века. Вышла в ее жизнь, жадно впитывая новые идеи, Цюо Цзоу-бо делал вместе с тем большое и важное дело.

Он одним из первых рассказав китайцам правду о стране рабочих и крестьян. Его книги очерков раскрывали в Китае глаза многим и многим. Одни заставили задуматься, а другие — последние добрые семена правды и дружбы. Спустя два года после отъезда Цюо Цзоу-бо пришла в Москву радостная весть — в Китае революция. В это время появляются китайские очерки наших писателей. Они рисовали в них правдивую картину современного Китая, утверждали Китай простых тружеников, страну «тока и крови». Тем самым наши очерки, говоря словами С. Третьякова, ломали искаженное представление об этой стране, подобно тому, как переламывают сломанную руку для того, чтобы растисть ее вновь. С. Третьяков был одним из первых советских писателей, посетивших Пекин. Два года он читал лекции о советской литературе на русском отделении Пекинского университета. Позже некоторые из тех, кто слушал его лекции, стали переводчиками, активными пропагандистами советской литературы в Китае. Китайская тема у С. Третьякова в те годы стала одной из ведущих. Она находила отражение в книге очерков «Взгляд из России», а также в повести «Морской волк», поэме и публицистике. Его книги, как верно заметил Б. Агапов, открыли тогда «первые Китай не по Элизе Реклю, а живой, революционный Китай... То же самое можно сказать и об очерках О. Эрберга, Н. Хостарева и других, своими глазами наблюдавших Китай около двадцати лет. Их очерки служили необходимой дополнением к газетной информации о событиях в Китае, учили понимать смысл там происходящего.

Тридцать годы в Китае поднималась новая, могучая революционная волна. И как прежде, советские люди чутко прислушивались к бешеному сердцу китайской революции, горячо сочувствовали борьбе китайцев. О Китае этих лет у нас рассказывали А. Хамидан в своей книге «Гнев», Р. Кармен в книге очерков «Год в Китае», Ю. Корольков в рассказе о китайских летчиках. И так же, как мы искали и находили в этих книгах ответы на многие волновавшие тогда вопросы о судьбах Китая, так и в далеком Китае жадно ловили каждую весть о стране социализма.

В начале 30-х годов в Китае вышли две книги: «Впечатления о Москве» Ху Юй-жи и «Записки о виденном и слышанном в Советском Союзе» Линь Кэ-до. Последняя привлекла особое внимание Лу Синя, который подчеркивал, что на фоне антисоветской пропаганды книга Линь Кэ-до, правдивая и простая, как и сам ее автор — рабочий, ярко подтверждала, «что жизнь в Советском Союзе прекрасна». На многие интересовавшие тогда китайцев вопросы отвечала и книга Ху Юй-жи, выдержавшая не од-

Р. БЕЛОУСОВ

но издание, несмотря на разгул гоминдановской реакции. Но, пожалуй, никому тогда в Китае не удалось так глубоко и всесторонне рассказать о Стране Советов, как это сделал Цюо Цзоу-фэн — выдающийся китайский публицист, приезжавший к нам летом 1934 года. Всесторонний образованный человек, Цюо Цзоу-фэн сочетал в себе недюжинный талант журналиста, издателя, общественного деятеля, переводчика, был непримиримым антифашистом, страстно боролся за освобождение своей нации. В Китае Цюо Цзоу-фэн считался как выдающегося патриота.

Велико было пропагандистское значение его очерков о Советском Союзе для Китая середины 30-х годов. Многие благодаря им пошли в революцию. И, действительно, читая сегодня эти записки, нельзя не поражаться тому, насколько глубоко удалось их автору, по существу тогда лишь прогрессивно настроенному интеллигенту, выникнуть в сущность советского строя, показать его огромные преимущества в сравнении с миром капитализма. На записках Цюо Цзоу-фэна обрывается ряд китайских очерков о Советском Союзе. Позже выходят книги Го Гунчжана, Го Мо-жо, Мао Дуна и другие.

За минувшие десятилетия писатели наших стран много сделали для расширения и укрепления советско-китайских культурных и литературных связей. Немалую роль в этом, безусловно, сыграли взаимные поездки и личные контакты. Но не менее важны по-прежнему и творческие отклики об этих поездках — книги очерков.

В них писатели развивают традиции дружбы, традиции взаимной приязни, исконно присущей нашим народам в отношениях друг к другу. Очерки о новом Китае, так же как и китайские очерки о нашей стране, читаются всегда с особым интересом.

За эти годы наши друзья — китайские писатели создали много интересных и глубоких книг о Советском Союзе. Это прежде всего очерки Мао Дуна и Ба Циня, Лао Ша и Цюо Лиу, Ай У и Цзинь И, Цао Цзинь-хуа и Гэ Бао-цзяна, Сюо Сяня, Янь Чэня, Го Вэи-чжоу. Ныне китайские писатели приезжают к нам не как гости, а как свои близкие и родные люди.

Одной из первых наших книг о Китае, появившихся сразу после образования КНР, стала книга К. Симонова «Сражающийся Китай». Китайская критика писала об авторе как о проницательно наблюдателе, подмечающем большое и малое, подчеркивая, что очерки эти превосходны, «именно такими, какими могут быть очерки лишь большого мастера пера и подлинного друга китайского народа». Высокую оценку наших друзей получили и «30 тысяч лет по Китаю» Б. Полевцова. Газета «Вэнь бао» в рецензии особо подчеркивала пронизывающее эти очерки горячее чувство дружбы к китайскому народу. А недавно писатель Ва Цинь сказал об очерках Б. Полевцова, что это — «замечательная по своей глубине книга».

За период между выходом этих двух книг на полку одна за другой издаются тепло встреченные читателями книги очерков о Китае, как «Тысяча циней» В. Коженикова, «Под небом Китая» В. Васильева, «Китай сегодня и завтра» В. Кетлинской. С очерками о Китае выступили А. Венцлова, О. Гончар, С. Муканов, А. Токомбаев, С. Бабаяевский, С. Кожеников, В. Полторачий, А. Смердов. И вот уже совсем недавно появились очерки В. Галина «Крепкая завязь» и С. Залыгина «В стране друзей».

Эти книги стали частью летописи, вот уже многие годы создаваемой нашими очеркистами о братской стране.

И, несомненно, скоро летопись эта пополнится новыми очерками, отражающими самые последние события в жизни наших стран. Поручкой тому тот живой, неуемный интерес, можно сказать, потребность людей наших стран непрерывно обогащая себя все новыми и новыми знаниями друг о друге.

В Москве скоро выступит молодежный ансамбль песни и танца Китайской Народной Республики, соведущий гастролей по СССР. На снимке: лауреат VII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Вене Ли Суфан исполняет китайский танец с веерами. Фото И. Григоровая (Фотохроника ТАСС)

СТИХОТВОРЕНИЯ MAO ЦЗУ-ДУНА

НА БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Уфимское издательство выпустило на башкирском языке сборник стихотворений Мао Цзу-дуна. В книгу, переведенную Кадыром Даяном, вошли шестьдесят стихотворений.

СПРАВКА ИЗ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Неподалеку от селения Кинчак в густых зарослях кустарников затерялось одинокое каменное надгробие. Издавна оно считалось «священным местом», к нему совершали паломничество жители окрестных районов. Здесь похоронены какой-то «девушка Мурат» — вот все, что знали об этой безвестной могиле.

Ученые расшифровали надпись на камне, сделанную старинной арабской вязью: «Это могила покойной главы убитых за веру Хаджи-Мурата Аварского из Хунзаха».

РЕПЛИКИ

«Неожиданно заработал мозг»...

Жил-был писатель Андрей Балахов. Мозг у него работал только иногда. И то — неожиданно: «...вдруг работа над очерком возобновилась в нем. Неожиданно заработал мозг, и одно соображение за другим стало приходить к Андрею. Если бы можно было чудесным образом залезать на бумагу все, что он мысленно видел в эти минуты, как быстро и хорошо бы писалось... Чтобы не забыть, надо было немедленно, сию же минуту все записать! Андрей похлопал себя по карманам и выругался: он не захватил блокнота».

Быстро, крупными неровными буквами он стал исписывать свою летнюю руку. Вскоре синие чернила неугоды покрывали ее до локтя».

Он не стал срывать рубаху, исписывать грудь, живот и бока, пытаясь исписать себе спину. Все, что смог заработать неожиданно заработавший мозг, свободно уместилось до локтя».

В. Салтыкова описала испанского писателя в романе «Маше двадцать семь лет» («Октябрь», № 5, 1959 г.):

Обсуждаем проблемы критики О ВАЛИДОЛЕ И ТВОРЧЕСКОМ РАВНОПРАВИИ

МОРАЛЬНО изнашиваются не только станки и машины, а и человеческие суждения, и лечебные средства. Валидол, с которого начал свои «Заметки о критике» С. С. Смирнов, — уже последнее слово в фармакологии. Есть новые, более действенные лекарства против коронарной недостаточности, но хотя бы — валокардин. Точно так же устаревшими кажутся нам и сегодневная авторская статьи на агрессивный характер нашей критики. С. С. Смирнову, как известно, близок жанр драматургии, и он великолепно знает, что значат подтекст произведения. Подтекст «Заметок о критике» достаточно, на мой взгляд, прозрачный: наша критика, пока, мол, больше вредит, чем помогает развитию литературы. Критики представлены этакими безжалостными и безответственными субъектами, охватывающими и губящими не только ценные книги, но и авторов их. Непростая же расщепления о современном состоянии критики начинаются с мелодраматической истории о печальной судьбе некоего раскритикованного писателя! Недавно же об объекте критики все время говорится в злобистом тоне, как о большом человеке, а субъект критики фигурирует то в виде опасливой инспектора ОРУДа, то в виде бешеного кавалерийского наездника, с казачьей лихостью рубящего беззащитную литературную лошадь. Кстати, если уж говорить о казачьей лихости, то ее чаще всего проявляют сами писатели в отношении критиков (вспомним хотя бы приснопамятную статью А. Софорова «Во сне и наяву»).

Иосиф КИСЕЛЕВ

Автор старательно собрал в милый букет все действительные и едкие грехи критики — она, мол, и разносная, и бездоказательная, и мелкограбчатая. Да, нельзя не признать: многое нам, критикам, воздвигает по заслугам. Но ведь из-за немощных версий информации не дискредитируется поэзия в целом. (А ведь рифмованных банальностей — сколько угодно!) Точно так же не охватывает и беллетристика, хотя она и не обходится без сплеточных романов и худолесных повестей. Почему же, когда речь заходит о критике, мы «казусы» возводим в стеленные обобщения?

Особенно популярны образ «критика с дубинкой». Но это — явное устаревшее понятие, даже если учесть криминальный случай, недавно приведенный «Литературной газетой» в коллективном письме «Неподлинными приемами». В целом же наша критика скорее робкая, либеральная, во многом вегетарианская. Она не проявляет должной заботы о повышении эстетического уровня художественной литературы, мирится с сериальной, посредственностью, ремесленническими подделками. Профессиональная критика во многом виновата в том, что под видом литературных произведений разгуливают у нас сомнительные в художественном отношении вещи, портящие вкус читателя и эстетический, захламывающие книжный рынок и специализированные площадки халтурой, аэрациям.

Забываются те, кто представлял себе критиков, гардирующих по лугам литературы необязательными скакунами. Отныне нет! Скорее они, как стержневые кони, мирно пощипывают травку. Об этом почему-то не говорится в «Заметках о критике». Их пафос в другом. Если уж обращаться в сравнении из миллионного обихода, то из статьи как бы высовывается преследующая палочка регуляторщика: «Смотрите, критики, не забывайтесь, будьте осторожны! Литература — дело тонкое!» Особенно огорчительно, что эта палочка оказалась в руках главного редактора «Литературной газеты», страницы которой и должны были быть критическим плацдармом номер один.

Почему же нашей критике не хватает еще нужного мужества и самостоятельности? Причин много. Некоторые из них упомянуты и в статье С. Смирнова. Действительно, обстановка культуры личности порождала в критике догматизм, субъективность, нормативные ограничения, прерастававшие в гонимости.

Но ведь и ныне критика еще не обладает тем же творческим равноправием, что и другие отрасли литературы. Сменю думать, что с писателя, дающего в своем произведении неверную оценку явлениям действительности, гораздо меньше спрашивается, чем с критика, спорно или ошибочно оценивающего книгу или спектакль.

Критикова в литературном быту все еще продолжают считать второсортным сословием, людьми, не творящими общего дела, а обслуживающими литературный процесс. Это нетрудно заметить и в повседневной жизни, и в торжественные дни, но хотя бы на съездах, конференциях и т. д. ... В отчетных докладах о критике, как правило, вспоминают где-то в конце, она идет, так сказать, на подверстку, приводится шеститом, в зависимости от осведомленности и расположения духа референтов, составляющих доклады. Стоит же критику честно, прямо, без обиняков показать ущербность того или иного произведения, особенно если оно принадлежит перу литературного начальства, как «виновный» рискует получить под навесным огнем многочисленных защитников «пострадавшего».

В дискредитации критики особенно единодушны те, кто больше всего в ней нуждается. Чем посредственнее литературное творчество, тем активнее старается оно обмануть не только убогие и ретивые критические карты. Иные просто хотели бы критику превратить в описанное, что ей, конечно, противопоказано самим названием, хотели бы устанавливать эстетические критерии на общих собраниях большинством голосов.

Все время о критике говорится, как о безнадежно отстающем жанре. Между тем советская критика, несмотря на свои слабости, все шире развертывает свои силы, все больше осваивает богатое и сложное литературное наследство. Болшеуственный и качественный рост критики заметен по всему Советскому Союзу, в том числе и на Украине. За последние годы на украинском критическом фронте произошли серьезные сдвиги — изданы десятки интересных, полезных книг по насущным проблемам современной и классической литературы. Многие работы украинских критиков и литературоведов изданы в Москве на русском языке и таким образом стали весомым звеном. Уместно упомянуть здесь, что трудами украинских критиков серьезно интересуется и за рубежом — от Чехословакии до Японии.

Но и на Украине далеко не все делается, чтобы помочь критикам обрести подлинно партийный стиль работы, быть вдумчивыми, принципиальными и требовательными литераторами. Критика — это не закрытый распределитель, прикормленный к писателю, ограничить ее деятельность популяризаторскими функциями нельзя. Именно «популяризация» настраивает на слепой тон, заставляет пишущего облевать свои критические замечания в вату и целлофан. А ведь и у нас критикам нередко отказывают в творческом равноправии. Ну как, например, оценить такой случай? На ответном заседании рассматривается редакционный план одного издательства. Заходит речь о выпуске новых книг. Когда перечисляются будущие произведения прозаиков и поэтов, все идет спокойно, чинно, гладко. Но вот названа книга критика. Попытаться дружные возражения — мы, мол, еще не знаем, что собой будет представлять книга, а зачем же ее вносить в план... Значит, поэту, прозаику и драматургу верить, что они обязательно дадут шедевры, а работа критика, кстати, тоже известного, опытного автора, ставится под сомнение. Это ли не дискриминация жанра?

Должен сказать, что порою и сами критики прикладывают руку к тому, чтобы притупить, приглушить, опоскотить критическую мысль. Не так давно на прилавках появилась первая книга молодого литературоведа В. Зворовица «Современная украинская комедия». Вслед за этим в Киевской «Литературной газете» появилась большая статья Верно, что в книге есть недостатки, и на многие из них вполне справедливо указывалось в статье. Но несправедливо совершенно перечеркивать интересную книгу за ее якобы неителлигентский тон. А «интеллигент» этот, на мой взгляд, только в том и состоит, что молодой автор попытался требовательно разобраться в нашем комедийном хозяйстве.

Другой молодой критик И. Дзюба также обладает острым, задиристым пером. И стоит появиться какой-либо его статье, как сразу же находят сердобольные опровергатели, хотя критик никакой вражды не допускает, искренне и прямо говорит о своем понимании художественных достоинств анализируемых произведений.

А вот еще один факт. Республиканская газета «Радянська Україна» выступила с обзором отдела критики журнала «Дніпро», безапелляционно, но далеко не всегда обоснованно и справедливо осужившим большинство критических материалов журнала. А ведь «Дніпро» выгодно отличается от других периодических изданий именно своей боевой и оперативной критикой, своими советами молодым, начинающим авторам. Уж если газета хотела оставить вопрос о критических отделах литературных журналов, то не пересоборавшись ли было обратиться к ним на местечковскую критику в «Жовтень», на областные управления, встречающиеся в «Радянском літературознавстві», на критическое мелкотомье «Пропора»?

Надо поддерживать литературную критику. Она нам нужна, как воздух, если мы хотим, чтобы литературный процесс успешно развивался дальше, чтобы большее рождалось яркое, вдохновенное творчество о нашей кипучей действительности, чтобы затрутить появление сериальности и халтуры.

Конечно, нельзя смотреть на критические выступления только иного автора, в том числе и самого высокопоставленного, как на некий законодательный акт. Возможны ошибки и заблуждения, субъективные увлечения, неверные оценки. Встречаются еще и групповая критика, подымаются в роли рецензентов несведущие, легкомысленные люди, а то и приспособленцы и подкачки. Не умеем мы еще как следует обобщать литературный процесс, видеть и раскрывать его закономерности, поддерживать полезные новаторские поиски, а главное — далеко не всегда наступаем мы в направлении главного удара, ограничиваемся больше мелкими речисловидными, обходными фланговыми маневрами. А как бывает важно вовремя сказать, хотя и неприятно, но нужное, резкое критическое слово! По-моему, чем больше ценить и уважать художника, тем выше критическая ответственность к его творчеству, тем открытее и правее высказывались свои замечания, особенно, когда видишь принципиальные авторские просчеты. Прош цена тому критику, который видит серьезные ошибки товарища по перу и из-за беспричинных соображений отмалчивается.

Хотя чертильники и автоматические ручки критиков не и зарождаются валидолу, но нет в них и зарочной отравы. Только гражданский долг и критическая совесть поощляют порой предостережение «заболевшим» горькие пилюли. Но ведь они, как справедливо отмечается в «Заметках о критике», применяются с лечебными целями!

Профессия критика не из легких, поклонникам и почетателями он не избалован. Тем большую заботу о критическом жанре должна проявлять наша общественность. Великолепный пример тому показал Н. С. Хрущев в своей речи на III съезде советских писателей. Как жаль, что именно об этом не говорится в статье, в которой автор пространно размышляет «о характере, судьбах и задачах нашей критики».

Киев

Надругательство

ЗНАЕТЕ ЛИ вы роман «Евгений Онегин»? Вам кажется это вопрос праздный? А на нет! Уверен, что вам неведомо, например, что произошло с Онегиным после того, как он расстался с Татьяной. «Евгений женился степенно — на местной девице Гвоздиной, вальняшкой, чуть переспелой красавице. Она сразу ввязалась за управление, вернула крестьян на барщину...»

А что вы знаете о первой любви Онегина, о его «падении»? Оказывается, «это случилось, когда Евгений пошел к графине Д-овой», которая, по словам отца героя, «имела жгучее пристрастие к мальчишкам».

Вы думаете, что, кроме письма Онегину, Татьяна больше ничего не писала? А дневники? Вы разве не знаете, что сохранились семь (!!) тетрадей ее записок, содержание которых пересказывает ее сын, оставший дипломат. Что вы удивляетесь? Разве вы забыли, что у Татьяны был сын, долго служивший в Америке? А почему Онегин убил Ленского? И какую ту роковую роль сыграл секундант Заречный? (А он, между прочим, совсем не Заречный, а отставной штаб-ротмистр Занкина.) И отчего застрелился муж Татьяны? (Да, да, он оказался вынужденным застрелиться...)

Позвольте, слышу я удивленные и раздраженные голоса — откуда это все? Как отсюда? Из романа о Евгении Онегине. Только вы, небось, читали роман «Евгений Онегин» сочинения Александра Пушкина, так там этого действительно нет. Но вот есть другой роман о Евгении Онегине, Бориса Иванова сочинение, так там это все есть. Да и не только это.

Действительно, такой роман, довольно объемистый (в 713 страниц), существует. Он вышел в издательстве «Советский писатель», в отличном ледевно переплетенном твердом тиражом в 30 тысяч и называется «Даль свободного романа». Завление поставлено не зря: дорочливый читатель тянется к книге, названной дорожными ему пушкинскими словами.

Чтение книги ошелмляет. Она вызывает возмущение, протест и удивление: как могло быть такое написано? Что подвинуло автора на сей неблагоприятный труд, что побудило его поднять руку на лучшее творение Пушкина? Нет, в самом деле, как могла возникнуть эта идея — авторично написать роман о Евгении Онегине, поправить Пушкина, дополнить Пушкина, озадачить читателя истолкованием романа и навзгать ему мысль, что Пушкин не смог рассказать всей правды об истинной истории Онегина и Татьяны, что эта правда открылась только Борису Иванову и впервые сообщается им сейчас в книге «Даль свободного романа».

Сочинение Бориса Иванова написано с расчетом на сенсацию. Что же делает книгу сенсационной? Прежде всего объявление героев романа Пушкина реальными, действительно жившими лицами, современниками Пушкина. Это открывает ослепительную возможность дополнять Пушкина, сочинять новые подробности биографии героев, а самого поэта изобразить в качестве светского слептика. Затем автор рассказывает, как был задуман и написан роман «Евгений Онегин». Получается захватывающая дух сенсационная история похождения Онегина и Пушкина (они же приятели!). И, наконец, исполненное гордыни намерение последовательно и убийственно перевести поэтическое произведение, роман в стихах, на язык «эпзренного прозы».

Свое намерение Борис Иванов осуществил. Сочиняя «Даль свободного романа», он чувствовал себя воистину свободным и от моральных обязательств перед историческими деятелями, о которых рассказывал, и от элементарной логики. Потому он смело, как говорил в XVIII веке, спрагивает далаковатые понятия. Оттого даже переска-

зать содержание его книги невозможно. Там и заново написанный роман «Евгений Онегин», и сцены семейной жизни Татьяны, и рассказ о женитбе Пушкина, и пространное повествование о... Чайковском, о том, как он писал роман «Евгений Онегин», как неудачно женился, как сын Татьяны, защищая честь семьи, потребовал изменения либретто оперы, авантюрная повесть о любовных похождениях в Париже русского пленного офицера Занкина, и трагическая история мужа Татьяны, которого затравил (!!) Пушкин, и биография известного музыкального издателя Юргелона и наставления Чайковского мелодосу Игорю Грабарю. Но есть в сочинении Бориса Иванова генеральная тема — «Евгений Онегин». Вот о том, как была учинена расправа с Пушкиным и его романом, я и буду говорить.

Автор сознательно и методически разрушает поэтическое стихию романа. Приведу несколько примеров. Первая глава посвящена юности Онегина, Пушкин крупно строит характер, обусловленный средой и временем. В предисловии к отдельному изданию первой главы он писал, что глава «представляет нечто целое. Она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года». Борис Иванов предпринимает читателя, что Пушкин не справился со своей задачей: «Итак, с 1812 по 1818 год — шесть полных лет Онегин провел в светской «суете», а Пушкин, чтобы не растягивать описание этой хроники, приурочил действие за шесть лет к одному сезону и показал их в таких игривых темпах, что читатель, зачарованный беглыми стихами, не замечает на веселом аллоре ни пророков в биографии Онегина, ни всяких противоречий, которые сам Пушкин признает в последней строфе этой главы».

То, что не считал нужным делать Пушкин, делает Иванов. — он «распускает» содержание жизни Онегина за шесть лет. Начинается бестактный домысел — что делал Онегин в эти годы. Дополняя Пушкина, Иванов сознательно искажает замысел поэта. Для Пушкина важно было показать, как, воспи-

танный «светом», перенявший нравы и обычаи среды. Онегин все же находится себе душевные силы подняться над нравственными законами своего класса. Он не был счастлив в этом обществе, томился душевной пустотой, так же как и Пушкин, оказался способным «условий света свергнуть бремя». Именно в это время, накануне ссылки, Пушкин и подружился с Онегиным. Пушкину нравились его «мечтам невысмысленной преданности» и «охлажденный ум». Так начинается Пушкин роман о судьбе своего поколения. Борис Иванов не скрывает неприязни, а порой даже ненависти к Онегину. Вопреки Пушкину, он так характеризует юность Онегина: «Это была жизнь Дон-Жуана, лукавого друга рокогносцев, лишь случайно не встретившего мстителя-командира». При этом он открыто вступает в полемику с Пушкиным и опровергает его.

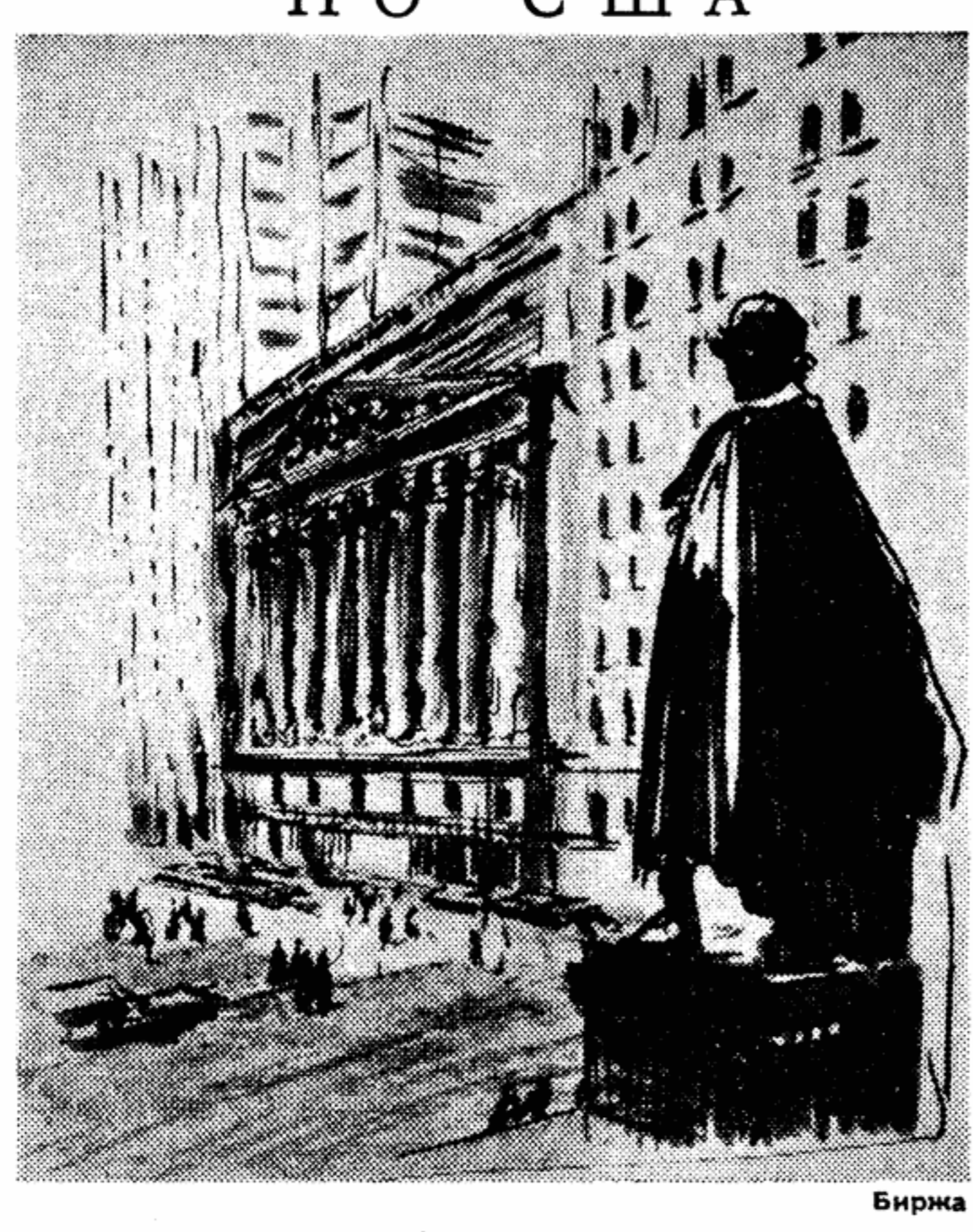
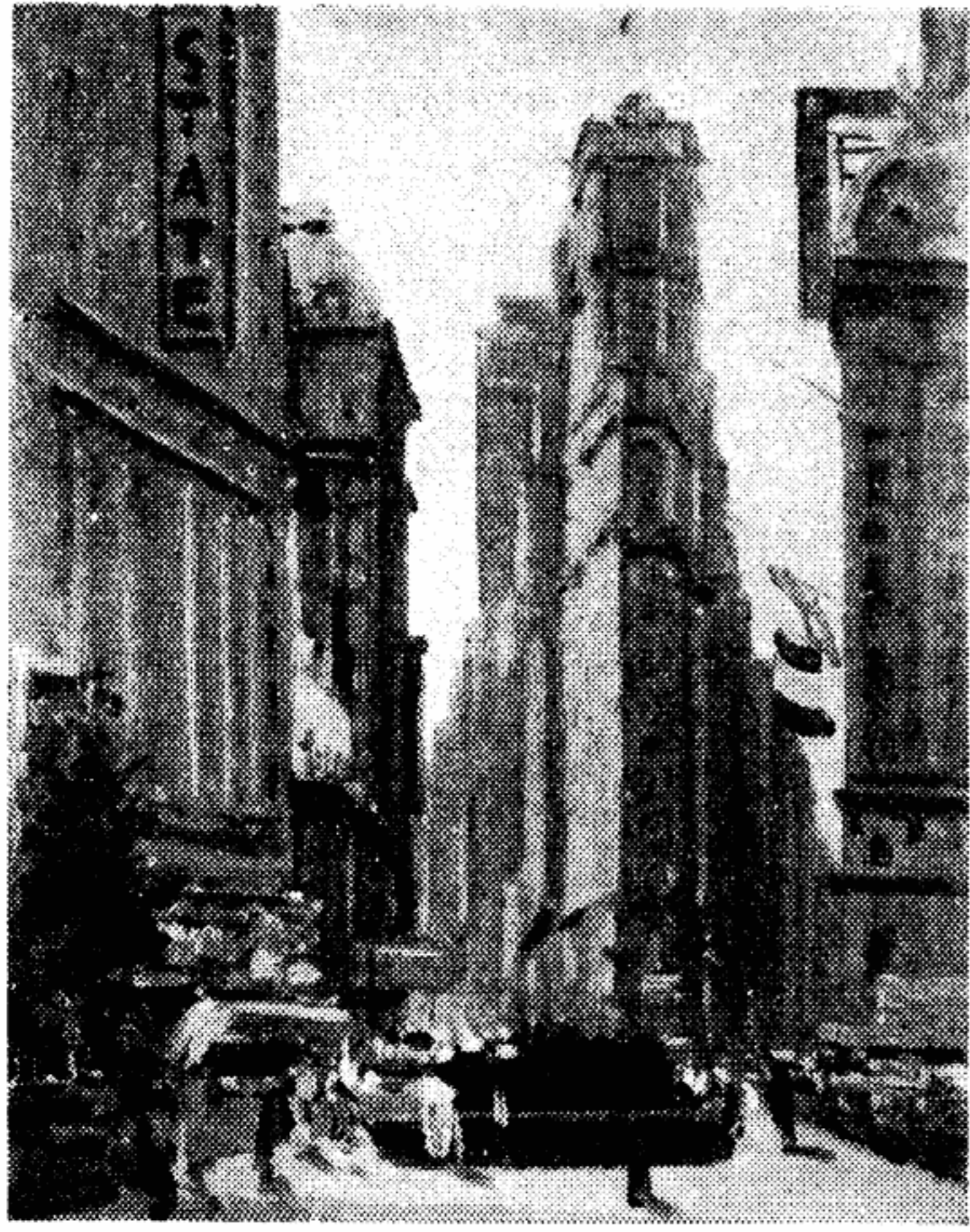
Вот Онегин в деревне. Поэт описывает его «вседневные занятия»: он жил анахоретом, рано вставал, отправился на прогулку; затем «чтение, сон глубокий, лесная тень, журняные струи, порой белая черная младой и свежий поцелуй». Великим черноокой — ах, этот Пушкин — олят «пророк» в биографии Онегина, опять ирриный аллор, вместо того чтобы подробно рассказать читателю, как было на самом деле. И Борис Иванов рассказывает: «Ключница Анисья... Старука умная. А когда догадалась, что ему нравится в девичьей одне из сидящих под пальцами, с каким умением, с какой степенью и даже нечто вроде приличия, она устроила так, что он слобился с девушкой».

Итак шаг за шагом. Пушкин послалет Онегина в путешествие по России и показывает, что вернулся в Петербург во многом обновленным человеком. Путешествие по стране подготовило Онегина не только к высокой любви, его душа стала жаждать новой истины. В восьмой главе Пушкиным дан уже изменчившийся, прошедший через горнило испытаний Онегин. Но Борис Иванов, — хихикая, — вновь, как очевидец, сообщает о любовных похождениях Онегина на Кавказе с Зинаидой Волыной и юной татаркой, которой «позволял себя горячо целовать». Ясно, что

от такого путешествия не поздоровился герою: «Как средневековый рыцарь, закованный в чувство неимоверного превосходства, Евгений сам постепенно дичал». Одиавший, он и прибыл в Петербург, где увидел Татьяну. Его уже не узнать. «Он изменился: отсутствл бачки, и лицо раздобрело, стало банальным». Татьяна, поговорив с ним, сразу «заметила, что она перебрала его». В столицу приехал Дон-Жуан только для того, чтобы «обидеть» и «оскорбить» Татьяну. Но поставленный на место княгиней, Онегин приехал к ней, «упал к ее ногам просить... но не взымности, нет, а прощения». Но и этот порыв души быстро угас — «хотел покаяться, а решимости не хватило».

Но «отрапортовав» так герой пушкинского романа, Борис Иванов на этом не успокоился. — он решил еще улучшить его в грязном преступлении. Оказавшись (!!!), Онегин разработал историю своих отношений с Татьяной, предал ее позору, сделал ее тайну достоянием светской молвы. И сделал он это с помощью своего приятеля Пушкина. Так на страницах «свободного романа» появляется фальшивая, кощунственная и непристойный рассказ о том, как будто бы был написан Пушкиным роман «Евгений Онегин». Началось, говорит Борис Иванов, все в Одессе. Вновь встретившись в 1823 году с Онегиным, Пушкин попросил его рассказать о своей жизни: «Начни, как приходил в деревню. А правда, будто ты дядушкой в живых уже не застал?.. Ну, рассказкажи, как ты явился туда? Что увидел? Онегин, не скупясь на подробности, говорит о доме Ларинных, о Ленском, о дуэли с ним, о Татьяне и ее письме, в котором «она предлагала себя в супружество».

Боюсь оторваться от фактов, рассказанных ему Онегиным, и чувствую свою беспомощность, Пушкин рабски переносит в свой роман все, что слышал, — вплоть до деталей, до имен, до названий имений, в которых живут герои, внешних примет действующих лиц и т. д. Опубликование глав, посвященных Татьяне, рассказка о ее любовном признании Онегину, публикация ее письма вызвали скандал в свете, породили драму в доме Татьяны.

Ласло НЕМЕТ, венгерский писатель

Между двумя великими событиями

Мы прибыли в Москву между двумя великими событиями. По дороге с аэродрома переводчица, — я уже встречалась с ней в Венгрии на берегу Балатона...

Диковинная труба успела уже повернуть в изумление свидетеля венецианского дожа: знатные венецианцы, вскарабкавшись на колокольню собора Святого Марка...

чуда — нашего ковра-самолета «ТУ-104», который за два часа опустился нас чуть ли не у самого дома моего любимейшего писателя Льва Толстого.

му подвему жизненного уровня экономически отсталых народов, но и к мобилизации и привлечению к участию в государственных делах значительных общественных сил.

Как велико было впечатление от последнего события, мы могли судить по очереди у газетных киосков. Лично мне только через плечо соседа удалось увидеть фотографию стоящих рядом советского премьера и американского президента...

Существует также и большая общественная разница между этими двумя событиями. В ту пору открытие Галилея привлекало к себе внимание только сравнительно небольшой группы ученых и дилетантов...

Трудно, разумеется, предвидеть, какие шаги последуют после поездок двух глав государств. Не станем пророчествовать, установив лучше кое-какие факты, влияние которых безусловно скажется независимо от того, понравится это или не понравится кое-кому.

Капитализм пустил на Западе такие глубокие корни, что там народам не удалось своевременно создать у себя социализм, а это, в свою очередь, воспрепятствовало тому, чтобы они вовремя и прочно рассчитались с империализмом.

В сообщениях о полете ракеты особенно встречается созданное по этому случаю новое русское слово «прутунение». И не только мы, венгры, пытались его тут же передать на своем языке...

Вспомним картину прошлого — она поразительна! Балкон дворца Медичи. Чудесная труба Галилея. Ее обступили ученые, знатные дамы, кардиналы...

Самым характерным процессом XIX века было «обединение» Западом народов земного шара, в том числе и древних цивилизаций Востока, в единую цивилизацию, скрепленную жестокими цепями колониализма.

С другой стороны, народы с великим прошлым, так блестяще воспользовавшиеся своей самостоятельностью, имеют право сами разрешать задачи, поставленные перед ними мировой историей...

Обращаясь к прошлому, хочу подчеркнуть какое-нибудь событие, подобное этому, и в воображении моем возникает миг — он вдохновил меня поначалу как учителя, потом как драматурга...

Благодаря ракетам техника далеко расширила владения человека, но земля, ядро этих владений, невероятно сузилась, сжалась. Моя жизнь сложилась так, что я теперь впервые летел на самолете и до сих пор нахожусь под впечатлением этого

Социализм явился испытанием нового строя, способного не только к быстрому

движению: войной. Везд разрушений войны все народы боится в равной степени.

Джозеф НОРТ, американский публицист

большинство газет опубликовало задолго до прибытия Н. С. Хрущева почти официальное предписание — «Вы не должны проявлять восторга». Но американцы не последовали этому совету.

В Калифорнии, несмотря на все меры предосторожности, принятые полицией, Хрущев получил возможность окупаться в гущу народа. Люди смогли увидеть его близко, пожать ему руку.

Хрущев такой государственный деятель, какого американцы еще не видели. Он задавал именно те вопросы, которые их больше всего волнуют.

Быть может, поучительным примером в этом отношении может служить история с одной американской журналисткой, в числе прочих корреспондентов сопровождавшей Н. С. Хрущева во время его поездки.

Она сказала мне, что всегда недолюбливала социализм и его приверженцев. Но она внимательно наблюдала за советским премьером с момента его прибытия, прислушиваясь к каждому его слову...

Между часами дискуссии в большом зале, где на трибуне сменяли друг друга поэты разных стран, в других помещениях крутились казино, дельтаты и гости знакомились с достижениями науки и техники...

Гремят стихи Маяковского, великого поэта революции. В яркие краски цветного фильма воплощена поэзия Артура Рембо. Напоминанием о черных днях фашистской оккупации звучит новелла о погибшем французском поэте Робере Десно.

А затем еще один концерт, на котором читается стихи Робиндраната Тагора, Гарсиа Лорке, Флоретты Моран... Флоретта Моран. Мы видим ее на трибуне фестивалей в зале заседаний.

Четвертый международный фестиваль поэтов в Кнокке ле Зутт прихотливо и разнообразно...

Вначале ей пришлось не по душе задание редакции — освещать этот визит. Но ее настроение быстро изменилось. Оно начало изменяться после выступления Хрущева в Национальном клубе печати в Вашингтоне.

Сейчас наш народ — и вместе с нами весь мир — повторяет слова, сказанные Н. С. Хрущевым по приезде в Москву: «Да здравствует разум, да скроется тьма!»

Эдуардо де ФИЛИППО РЫВОК Газета «Унита», опубликовавшая 18.10.59 г. стихотворение «Рывок» вместе с фотографией де Филиппо...

Луна и Земля — Теперь люди могут одарить меня жизнью! Надеюсь, они договорятся и о сохранении жизни на собственной планете...

Сергей МИХАЛКОВ

Кнокке ле Зутт

НАЗВАНИЕ этого приморского городка вот уже скоро десять лет выражает идею контактов между поэтами многих стран мира.

Еще в Брюсселе, в витрине книжного магазина, я обратил внимание на афишу: морской конек с крыльями. Так сухопутный Пегас принял облик жителя морских глубин.

Дорога из Брюсселя в Кнокке начинается с широкой эстакады, сооруженной для Брюссельской выставки 1958 года. Вдалеке видны металлургические, отвесившие на солнце шары Атомума.

Поля, деревни, сады Фландрии. Здесь, на родине вольнолюбивого Тья Улленшигеля, нам, трем советским поэтам — Абашидзе, Кирсанову и мне — предстоит встреча с поэтами Бельгии и Франции.

Кнокке ле Зутт. Популярный приморский курорт. Сезон уже кончился, но солнца еще много, и море еще достаточно теплое для того, чтобы в нем окунуться.

Человек средних лет, в роговых очках, долго и внимательно рассматривает книги русских поэтов. Вот он взял какой-то сборник стихов, перелистал его. Одно из стихотворений привлекло его внимание.

Десять часов утра. В большом круглом зале заседаний под огромной, не по размеру помещению, уникальной хрустальной люстрой, в стенах, расписанных модернистскими символическими фресками...

ЗАМЕТКИ С ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ ПОЭТОВ

Анголы — Марио де Андраде! И видел мы его в прошлом году на улицах нашего Ташкента в дни конгресса писателей стран Азии и Африки...

Здание курзала. Его стены четвертый раз гостеприимно принимают поэтов разных стран мира. В вестибюле и холле, на широкой лестнице — участники предстоящей дискуссии.

На трех стендах под общим названием «Стена поэзии» — рукописи поэтов на десятках языков народов мира.

В холле на небольшом столе — книги стихов американских поэтов. Погода — экспозиция книг выдающегося немецкого поэта Иоганнеса Бехера.

Жан Кассу (Франция) в своем последнем участничестве фестиваля говорит о том, что поэт должен найти свое место в новых формах цивилизации...

Шарль Муру, министр народного просвещения (Бельгия), заявляет: «Я хотел бы, чтобы здесь прозвучал подлинный призыв к миру...»

На трибуне советский поэт Семен Кирсанов. Он выступает на французском языке. Зал с напряженным вниманием слушает речь представителя советской литературы.

лом зале заседаний под огромной, не по размеру помещению, уникальной хрустальной люстрой, в стенах, расписанных модернистскими символическими фресками...

Уже в первых речах, в день открытия фестиваля, с трибуны конференции прозвучали слова, подтверждающие реалистическое понимание задач поэзии сегодняшнего дня и ее роли в жизни человека будущего.

Выступление советского поэта, встреченное исключительным подъемом и продолжительной овацией всего зала, во многом определило дальнейший ход дискуссии.

«Я рассматриваю нынешний бурный рост техники и науки, как естественное проявление сущности человека — познавать и создавать», — говорит поэт.

Польский делегат Артур Мендзицкий склоняется к сидящему рядом с ним чехословацкому поэту Вильяму Заваде и что-то говорит ему. Тот одобрительно кивает головой.

«Я полагаю, — продолжает Кирсанов, — что с рождением и развитием новых общественных систем наступает конец замкнутости, одиночества, конец чувству зависимости от куска хлеба и денег, конец эгоизма и властолюбия, конец суверенных страхов и предрассудков...»

Вот почему отдельные импрессионистические, религиозно-гуманные рассуждения некоторых выступавших, говоривших об абстрактной, чистой любви и добре, о боге и красоте, не смогли отвлечь внимание большинства собравшихся от реалистической постановки вопросов, от реального человека и реальной действительности.

ни что не помешает развитию поэтического в жизни. Напротив, пусть атомные электростанции, руководимые автоматическими манипуляторами, дают нам тепло, свет, заменяют спины грузчиков и дышащие стеклодувов — это только освобождает человека для поэзии...

Между часами дискуссии в большом зале, где на трибуне сменяли друг друга поэты разных стран, в других помещениях крутились казино, дельтаты и гости знакомились с достижениями науки и техники...

Гремят стихи Маяковского, великого поэта революции. В яркие краски цветного фильма воплощена поэзия Артура Рембо. Напоминанием о черных днях фашистской оккупации звучит новелла о погибшем французском поэте Робере Десно.

А затем еще один концерт, на котором читается стихи Робиндраната Тагора, Гарсиа Лорке, Флоретты Моран... Флоретта Моран. Мы видим ее на трибуне фестивалей в зале заседаний.

Четвертый международный фестиваль поэтов в Кнокке ле Зутт прихотливо и разнообразно...

Четвертый международный фестиваль поэтов в Кнокке ле Зутт прихотливо и разнообразно...

Четвертый международный фестиваль поэтов в Кнокке ле Зутт прихотливо и разнообразно...